

## Падение Метеллов и возвышение Помпея

Римская Республика пала, когда полководцы, опирающиеся на верных солдат, стали такими сильными и влиятельными, что смогли не только менять власть или на короткое время приходить к власти, но и на постоянной основе занять в системе власти доминирующее положение. Начало этому положил Помпей в 67 году до н.э. (дальше все даты будут до нашей эры, поэтому специально указывать это я не буду).

Сципион Африканский, Марий, Сулла, Помпей и Красс в 70 году пытались захватить или захватывали верховную власть – консульство или диктатуру, как Сулла, но не могли ее долго удержать, так как римский правящий класс, нобилитет, объединялся против них и быстро смещал, даже несмотря на поддержку плебса, как было в случае с Марием. Помпей, похоже, проанализировал их неудачи. Он первым сумел и получить, и использовать, в дополнение к армии и популярности в народе, третью, решающую опору и ресурс – провинции, и получив в результате сложной многоходовой интриги власть над большинством провинций Рима, смог занять доминирующее положение в Республике и удерживать его всю жизнь. Здесь я опишу первую часть интриг и побед, которые привели в конечном счете Помпея к власти.

Так же, как и в других эссе, в дальнейшем изложении много моих собственных предположений, не всегда отделенных от изложения известных и бесспорных фактов, для меня одно неотделимо от другого. Тем, кто предпочитает только факты, а не гипотезы и интерпретации, я этот текст не рекомендую.

### Положение Метеллов в 68 году.

В 68 году положение правящей в Риме партии Метеллов явно ослабло. Две проблемы они не смогли решить за время своего правления: нехватка денег (можно предположить по косвенным признакам) и усиление анархии (вот это на поверхности). Нехватка денег, «белых» налоговых поступлений в казну Республики, вероятно, сделала для Метеллов невозможным принятие популярных экономических мер, таких, как хлебные законы. С другой стороны, необходимость пополнять «черную» казну столкнула их с ведущим войну против Митридата и Тиграна Лукуллом. Лукулл затягивал уже выигранную войну, и захваченная им военная добыча оставалась на Востоке. Видимо, что-то привез в Рим второй командующий в войне с Митридатом Котта после его отъезда в Рим в 70 году, но, судя по тому, что он был осужден в 67 году за разграбление Гераклеи, а не оправдан, заставить его поделиться добычей не удалось. Для парирования потенциальной угрозы со стороны Лукулла Метеллам пришлось выдвинуть на восток несколько армий, денежное содержание которых было значительным. В общем, противостояние с Лукуллом обошлось Метеллам очень дорого.

Управление провинциями, где войны не было, тоже становилось все больше похожим на грабеж. Судебный контроль над наместниками в Риме был не очень строгим, осуждение за злоупотребления в провинции грозило в основном тем, кто не принадлежал к правящей клике и не смог с ней договориться об оправдании. Ну а главный метелловский способ грабежа, пиратство, к 68 году все больше выходил из-под их контроля. В Азии пираты ограбили в 69 году Делос, один из главных центров римской деловой активности на Востоке. Целые пиратские страны, как Крит, вышли из-под контроля и «крыши» римского правительства, Метеллам пришлось вести с 69 года против Крита полномасштабную войну. Марций Рекс, направленный в Киликию, главный центр пиратства, в 68 году, вероятно, чтобы помимо прочего перехватить у Лукулла, прежнего наместника, «черные» доходы от крышевания пиратов, столкнулся с неповиновением и здесь – его адмирала Клодия пираты захватили в плен, судя по тому, что о сражениях с ними Клодия или Марция мы ничего не знаем, произошло это во время переговоров – похоже, предложения Рекса, переданные через Клодия, пиратам не подошли. Наконец, пираты захватили в 68 году прямо в Остии, римской гавани, флот, привезший хлеб с Сицилии (остров платил налог хлебом).

Еще один удар по Метеллам нанесли неожиданные смерти нескольких участников их группы в 68 – умели консул Метелл, младший брат воевавшего на Крите, а за ним – выбранный ему на замену Сервилий Ватия. Причин мы не знаем (эпидемия ли, тайные ли

действия противников Метеллов), но и без того небольшую группу Метеллов это сильно ослабило. Возможно даже, что без этого они могли бы продержаться у власти дольше, но у них просто не оказалось достаточно сильного кандидата в консулы вместо умершего Ватии.

Видимо, и популярность Метеллов оказалась на фоне их неудач достаточно низкой, а оппозиционные элитные группы сплотились и мобилизовали ресурсы, организационные и денежные, так что Метеллы на консульских выборах на 67 года (проводившихся во второй половине 68 года) провели только одного своего консула – Глабриона. Вторым консулом стал Кальпуний Пизон, энергичный противник Метеллов. Пизон совершил масштабный подкуп избирателей, потратив несколько миллионов денариев – и выиграл. Сумма по тогдашним римским меркам огромная (Цезарь на двое успешных выборов, в преторы и в великие понтифики, потратил в 63 году, взяв в долг у Красса, даже несколько поменьше, а цены на рынке подкупов за 5 лет успели вырасти). Я уверен, что ее источником не могло быть личное состояние Пизона, несомненно, Пизон использовал все ресурсы выдвинувшей его группы во главе с Катулом. Вслед за Метеллами Катул и Пизон «хакнули» новую политическую систему, возникшую в 69 году, когда число граждан удвоилось. В ней исход выборов уже не определяли союзы и соглашения знатных «держателей пакетов» клиентов-избирателей, теперь большие «ничьи» массы граждан стало можно привлекать на свою сторону – и добиваться избрания на главные должности - любому, кто подберет к ним ключ – демагогию, как Метеллы, или просто деньги.

В свое консульство в 67 Пизон будет во всем противодействовать Метеллам и проведет закон о строгом наказании за злоупотребления на выборах (по которому тут же будет обвинен, но оправдан – похоже, и в судах позиции Метеллов тогда ослабли). С помощью этого закона уже в 66 году Метеллы, видимо, пытавшиеся повторить прием Пизона, будут полностью разгромлены.

Итак, положение Метеллов стало угрожающим. Они были близки к потере власти и в начале 67 года, с началом «двоевластия» с Пизоном, им пришлось выложить на стол последний козырь – Помпея.

### Гней Помпей Магн

Помпей, едва ли не единственный из главных политических деятелей 70-х, не был обязан своим возвышением Сулле. Помпеи были знатным, богатым и влиятельным родом в Пицене. Помпей Магн после смерти отца, Помпея Страбона, сумел, несмотря на то, что ему было меньше 20 лет, удержать в Пицене свое первенство.

Когда Сулла высадился в Италии и начал гражданскую войну с марианским правительством, Помпей сам провозгласил себя командующим, набрал армию и присоединился к Сулле, который признал его императором, то есть таким же, как сам Сулла, законным военачальником. Помпей действовал на войне не столько как подчиненный Суллы, сколько как самостоятельный полководец, в терминах российской гражданской войны – «батяка».

После победы в гражданской войне именно позиция Помпея, разорвавшего с Суллой и поддержавшего Метеллов, обеспечила им перевес над Суллой и предопределила отречение Суллы от власти. Дальше Помпей, вплоть до консульства в 70 году, строил свою карьеру именно как полководец, получая от сената экстраординарные должности, не участвуя в выборах и не занимая обычных магистратур. Все время с 78 и вплоть до 68 года Помпей был самым тесным образом связан с Метеллами. Вступив в брак около 79 года с Муцией, дочерью одного из Метеллов, Помпей, по римским понятиям, формально скрепил союз с ними. Вместе с Метеллом Пием, главой и патриархом клана, Помпей воевал во время гражданской войны в 83 году и в Испании против Сертория в 76-71 гг. Консульство Помпея вернуло Метеллам власть в 70 году - во время помпеева консульства и, вероятно, под его председательством на выборах его преемником был выбран Метелл Критский.

Во многом успехи и политическое возвышение Помпея в семидесятые были делом рук Метеллов. Я думаю, именно они подготовили и провели комбинацию по превращению и перекрашиванию Помпея в глазах римских граждан из оптимата едва ли не в популяря: целью этой комбинации было противодействие возвышению Красса.

Мы смотрим на биографию Помпея «с конца», зная, что он достиг вершин власти и во главе своих сторонников стал с 61 года одним из главных римских политиков. Поэтому легко счесть, что Помпей с самых первых военных и политических успехов, с 83 года, был всегда одним из ведущих политиков и вел самостоятельную «партию». Это ошибка, аберрация восприятия. После побед в гражданской войне и триумфа, как плата Метеллов за союз, полученного ценой разрыва с Суллой, Помпей остается вне большой политики, он так и не получает ни консульства, ни даже места в сенате. Пока идет война, он как самопровозглашенный полководец и лидер Пицена мог играть важную роль, но когда и с кем вести войну и кого назначить командующим, по мере перехода к нормальной гражданской жизни в 70-е все больше определяли политики. В 78 Помпей успешно участвует в еще одной гражданской войне против Лепида, уже на вторых ролях, а потом его и вовсе отсылают на тяжелую многолетнюю войну в Испании. В Испании он больше терпел поражений, чем побеждал, участь военному делу под присмотром старшего из Метеллов – Метелла Пия, который в сложных ситуациях приходил Помпею на помощь. О каком-то влиянии Помпея на римские дела в это время едва ли можно говорить, в это время он «прославился» письмом-ультиматумом сенату прислать денег для содержания его армии, иначе он угрожал прекратить войну и двинуть солдат на Рим. Лукулл, тогдашний консул и член группы Метеллов, направил Помпею подкрепления и, видимо, деньги.

Да и создание Помпею образа всегда удачливого и победоносного полководца – заслуга Метеллов и их тогдашнего главного оратора Цицерона, можно посмотреть хотя бы как Цицерон в 67 году в речи о законе Манилия перечисляет сплошь победы Помпея, избранника Фортуны, очень ловко обходя его поражения, понятно, что такая слава создавалась Помпею не вдруг, а постепенно, еще с середины 70-х.

Из «молодого мясника», как его называли противники, вождя гражданской войны, захватившего и казнившего без суда многих известных предводителей марианцев, одного из главных защитников сулланского режима, победившего Лепида и Сертория, его главных противников, Помпей в одночасье, вернувшись в Италию в 71 году, превратился в ниспровергателя этого режима, отменившего в свое консульство одиозные антидемократические ограничения Суллы, прежде всего восстановив статус народных трибунов. Причем он это сделал именно тогда, когда Красс, победитель Спартака, лидер группы противников Метеллов, претендовал на консульство и явно был готов на популярные меры для привлечения на свою сторону народа. Похоже, Помпей опередил Красса, первым объявив себя сторонником народа. При этом, в отличие от Красса, внезапное превращение Помпея в популяра прошло для него без малейшего противодействия со стороны сената (скажем, ультиматум сенату в 74 был поспешно Метеллами удовлетворен, что, конечно, помогло создать Помпею имидж героя, способного бросить сенаторам вызов). В том же 71 году, когда Помпей привел армию к Риму, объявлял, что он вернет права трибунам и ссорился с Крассом, в Италию вернулись еще две армии во главе с Метеллом Пием и Марком Лукуллом, связанным с Метеллами. И Пий, и Лукулл немедленно распустили войска, ни в малейшей степени не попытавшись воспрепятствовать почти революционным намерениям Помпея (хотя их совместные силы явно превосходили его армию и возможность также привести войска к Риму для триумфов у них тоже была).

Помпей располагал к 68 году серьезными собственными ресурсами. Во-первых, он сохранял свое личное, независимое от Метеллов влияние в Пицене, опираясь на большую клиентуру – видимо, в десятки тысяч человек. Во-вторых, Помпей сумел конвертировать военные успехи в большую популярность среди римских граждан именно как главного римского победоносного полководца. В войнах с Серторием и со Спартаком, которые он вел не один, Помпей добивался того, что именно его победа была самой впечатляющей (как разгром главных сил восставших после смерти Сертория (впрочем, тут, видимо, Метелл Пий, второй полководец, ему скорее в этом помогал) или последней (как небольшая победа над остатками армии Спартака), так чтобы в Риме о нем создавалось самое яркое и сильное впечатление. И если превращение Помпея в реформатора прославило его как политика в 70 году всего однажды и ненадолго, то репутация великого полководца, самого успешного и удачливого военачальника Рима, созданная им к 70 году, оставалась прочной и все время продолжала укрепляться.

Итак, Помпей не был ни в коем случае марионеткой Метеллов. Однако те почему-то считали возможным обращаться с ним именно как с марионеткой. В 70 году Помпей стал, минуя претуру, сразу консулом. Однако из-за необходимости для Метеллов добить Красса и полностью лишить его власти Помпею пришлось вместе с Крассом отказаться от проконсульства и сразу после завершения срока консульства сложить полномочия. Так он лишился и денег, и возможности закрепить свой краткий политический успех. Проконсульство было в обычной политической карьере римского политика последней военно-политической должностью вне Рима. Помпей строил свою политическую карьеру на военных успехах, так что для него потеря проконсульства означала конец дальнейших политических перспектив. Кроме того, получение в управление провинции было и последней для Помпея возможностью восстановить состояние, подорванное во время Серторианской войны, когда он (во всяком случае, по его словам, однако им можно верить – многолетняя война в разоренной стране не могла принести большой добычи) истратил все свои деньги на содержание армии. И теперь ради политической выгоды для Метеллов Помпей отказался от всего этого. Во время консульства Помпея был принят закон о наделении землей его ветеранов. Однако этот закон так и не был, по свидетельству Цицерона, исполнен преемниками Помпея у власти – Метеллами. То есть ветераны Помпея были фактически обмануты. Даже если это произошло по объективным причинам – из-за отсутствия в казне денег, Помпей, конечно, имел основания считать Метеллов ответственными за урон его репутации. В 69 и 68 годах Помпей просто пропадает из виду.

Помпей не имел ораторских способностей, он не умел и не хотел располагать к себе граждан обычными для римской политики способами – щедростью, оказанием услуг, открытостью и прямой агитацией на улицах. Но он умел действовать так, что компенсировал эти слабости, используя свои сильные стороны – аналитический ум, способность к сложному планированию, умение обратить в свою пользу даже неудачу, выдающиеся военные дарования и лидерские качества, харизму, проявлявшуюся в армии и на войне. Как полководец Помпей до поражений от Сертория в Испании, которые многому его научили, полагался больше на смелость и натиск, чем на подготовку и расчет. Однако в политике он был расчетлив и осторожен всегда. Он хорошо умел заключать политические союзы с сильными партнерами, заранее рассчитывать момент, когда союз становился невыгоден и во-время разрывать его к своей наибольшей выгоде. И на войне, и в политике Помпей в его зрелые годы, после консульства в 70 году, умел копить силы и начинать резко и неожиданно действовать тогда, когда он имел большой перевес над противниками.

После первых побед в гражданской войне и после убийства по приказу Помпея многих видных марианцев, Сулла дал Помпею издевательское прозвище «Магн», обычный перевод на русский – «Великий». Но это слово переводится на русский скорее как «большой», великий в смысле размера (когда римляне хотели назвать человека «великим», они давали ему прозвище «Максим»). Такое прозвище в то время римляне давали гладиатору, убившему много противников. Таким гладиатором и был Помпей в то время для Метеллов. Однако постепенно Помпей смог добиться того, что кличка перестала звучать издевательски, и из Помпея «Убийцы» он стал действительно Помпеем Великим. Большой шаг на этом пути он сделал в 67 году.

Похоже, в политике для Помпея 70 год стал тем же, чем на войне поражение от Сертория шестью годами ранее – важным уроком. Помпей понял, что в быстро меняющейся римской республиканской политике его военной репутации недостаточно, а положение популярного политика-реформатора было для него неорганичным, да и невозможно было его сохранить без поддержки извне. В политике 70-х Помпей действовал в рамках чужих планов и интриг, своего долговременного плана у него не было, а кратковременный взлет популярности быстро закончился. Для Метеллов он был только фигурой в игре, которую могут убрать с доски за ненадобностью. Но он сам был и хотел быть игроком. Однако для того, чтобы стать им, Помпею нужно было поменять правила игры.

## Закон Габиния

В начале 67 года народный трибун Габиний предложил проект закона о назначении чрезвычайного командующего с высшей военной властью (империем) на три года на всем Средиземном море и прилегающей полосе суши на глубину в 400 стадиев (75 км) для войны с пиратами. В проекте закона было сказано, что командующий должен быть выбран из бывших консулов, но уже тогда всем было ясно, что подразумевается именно Помпей (кажется, вскоре его имя было и прямо внесено Габинием в проект закона, во всяком случае, ни о каких альтернативных кандидатурах речи явно не шло).

Сама по себе такая мера была не новой – в 74 году уже назначали верховного командующего на море, тоже с высшим империем (это означало, что власть морского командующего будет выше, чем у наместников провинций), флотом и войском. Командующий получал флот в 250 или в 270 кораблей, включая мелкие (в основном не римские, а те, что предстояло собрать в городах, союзных и подвластных Риму). Несомненно, Антоний в 74 году тоже получил значительный флот сопоставимого размера – но только флот, причем сборный, не римский. А вот то, что морской командующий получал армию в 50-60 тысяч человек легионеров, было новым и совершенно беспрецедентным.

В итоге Помпей получил право набрать 120 000 солдат, сколько точно ему было разрешено набрать по первоначальному варианту закона Габиния, историки не говорят. Плутарх говорит, что в день личного прибытия Помпея в Рим и голосования за его новые предложения число военных сил Помпея было «почти удвоено», действительно, число кораблей сначала называют в 270, потом в 500, значит и 120 000 солдат могло быть результатом удвоения 60 000, я исхожу здесь из этого предположения. Конечно, можно предполагать в первом варианте закона и более умеренные цифры армии, скажем, в 6 легионов – 30 000 человек, но все обстоятельства борьбы уже с первым проектом закона говорят, что предлагалось нечто неслыханное, так что скорее уж можно применить буквально слова «почти удвоил» и предположить сразу армию в 65-70 000 человек.

Разделение власти и военного командования всегда, с самых легендарных времен свержения царской власти, было одним из главных принципов Республики, принятым для предотвращения сосредоточения большой власти в одних руках. Достигалось такое разделение власти через разделение командования над большими армиями между двумя равноправными полководцами (консулами) или через разделение армии на несколько частей под командованием разных магистратов-полководцев. Поэтому все главные римские магистратуры, прежде всего консульство, должность с высшей военной властью, были коллегиальными.

У Республики к тому времени был уже и большой практический опыт, когда нарушение этого правила как раз и приводило к свержению законного правительства и приходу к власти полководцев.

Напомню, что предметом особой заботы правительства Метеллов было недопущение появления полководца с большой верной ему армией, который бы мог, опираясь на поддержку солдат, совершить переворот. В реалиях политики 70-60-х верная армия в несколько десятков тысяч человек, причем именно римских граждан-легионеров, кровно заинтересованных в перевороте, как раз и позволяла уже полководцу диктовать свою волю правительству. Сулла в 83 году высадился в Италии с 30-тысячной армией и в результате двухлетней ожесточенной войны с правительством, в конце которой все армии на его стороне достигли численности более чем в 100 000, стал диктатором. Помпей и Красс с 30-40 тысячными армиями под Римом в 71 году легко добились власти, причем Помпей стал консулом вопреки закону. Лукулл, соединивший в Азии под своим единоличным командованием 8 поредевших легионов, около 30 тысяч человек, был главной проблемой для правительства Метеллов с 70 года. Сами Метеллы в 69-67 гг направляли на восток, постепенно окружая Лукулла, армии под командованием даже своих, заведомо лояльных проконсулов, силой не более чем в 2-3 легиона.

Да и не нужно Помпею было столько солдат для войны с пиратами, которые не имели сильных сухопутных армий, а только изолированные крепости, даже и пол-столько не нужно. В реальности Помпей набрал, видимо, не более 3-4 легионов, 15-20 тысяч человек, и с этими силами быстро победил пиратов на всем Средиземноморье. Нет, 60 000

легионеров (только пехоты, еще Помпею полагалась конница) были с самого начала совершенно не скрываемым способом вручить Помпею возможность совершить новый переворот, именно так закон Габиния и восприняли и народ, и сенат. В Риме сразу стали говорить, что Помпей из навархов (по-гречески адмирал) метит в монархи, а консул Пизон сказал, что если Помпей метит в Ромулы, то ему не избежать участи последнего (по легенде первого римского царя убили сенаторы).

Кроме этого, закон давал Помпею право брать сколько угодно денег (по другим данным – до 6000 талантов, то есть 36 миллионов денариев, что, в сущности, то же самое, учитывая, что отчет Помпей даже теоретически должен был представить через три года) из казны в Риме и от откупщиков – сборщиков налогов в провинциях. Таким образом, Помпей к военной силе, делавшей его единоличным фактическим правителем провинций Рима, получал и денежное содержание больше, чем правительство – годовой доход бюджета Республики был в 62 году 50 миллионов, а в 67 году, из-за ситуации с пиратами и Лукуллом, видимо, собиралось существенно меньше.

И вот так Метеллы, а Габиний действовал, по моему мнению, как один из них, сами предложили одним махом снести собственную, так тщательно выстраиваемую военную систему сдержек и противовесов, фактически вручив Помпею ключи от Рима.

И мало того, что предложили – закону была обеспечена небывалая поддержка народа.

Во-первых, в Риме во время принятия закона, похоже, собралось больше людей, чем обычно. Принятие в 69 году в граждане 460 тысяч человек, так что всего их стало больше 900 тысяч, добило старую личную систему контроля патронов-аристократов над поделенными на клиентеллы остальными сословиями. Теперь граждан стало столько, что несколько десятков нобильских родов, правящих Республикой, просто физически не справлялись даже с минимальным контролем над всеми гражданами. Большинство граждан теперь жило не в Риме (видимо, порядка 250 тысяч граждан в Городе, остальные в основном в Италии). Так что тот, кто мог мобилизовать и собрать в Риме в нужный момент несколько десятков тысяч человек из Италии, получал огромное преимущественно политических баталиях на улицах, а возможно, и большинство в народном собрании. А сделать это теперь, когда гражданами стали все италики, стало значительно легче. Похоже, те, кто готовил закон Габиния, так и сделали – историки пишут, что толпа народа была так велика, что в один момент от внезапного общего недовольного крика пролетавший ад площадью ворон упал в толпу замертво.

Во-вторых, собравшиеся толпы оказались очень агрессивны и готовы сразу перейти к насилию против сената и магистратов, пытавшихся противодействовать или возражать предводителю толпы – Габинию. Сенаторов (которые, впрочем, тоже не церемонились и чуть не убили Габиния) разогнали, курию захватили, а консула Пизона чуть не убили. Такого размаха насилия, фактически бунта против власти, не бывало в Риме много лет ни до, ни после 67 года. Наказан за это никто не был. Я склонен поэтому предположить, что насильственные действия были заранее организованы и подготовлены, а потом кто-то, имеющий влияние в сенате и в судах, блокировал расследование и предъявление обвинений бунтовщикам (скажем, в 66-65 гг, когда беспорядки имели гораздо меньший размах, было и следствие сената, а потом выдвигались обвинения в судах).

В-третьих, похоже, что всеобщее возмущение было, даже если организованным и подогреваемым, но не искусственным. Большинство римлян было готово в тот момент поддержать любые меры против пиратов. Те захватили в Остии в 68 году флот с хлебом из Сицилии, так что цены на хлеб в Риме поднялись. Бедных среди римских граждан, даже в богатом Риме, где государственный хлебный паек по фиксированной цене получали десятки тысяч человек, было большинство. Они конечно были очень недовольны и готовы поддержать быстрые и решительные меры против пиратов, не разбираясь, какие старинные принципы и традиции будут нарушены.

Я думаю, Метеллы имели по сути довольно ограниченную внутривнутриполитическую цель – выдвинуть опять на политическую сцену популярного Помпея и привлечь на свою сторону толпу римских бедняков, получателей государственного дешевого хлеба (раз уж в казне не было средств провести хлебный закон, еще понизив цену или вовсе введя бесплатную раздачу), которые голосовали бы за тех, кто будет «друзьями» Помпея. То, что при этом

Габиний мог снести несколько конституционных сдержек и противовесов и сместить римский политический порядок к демократии, они, наверное, считали допустимым. Мне кажется, Метеллы вообще не рассматривали серьезно долгосрочных последствий, им было важнее удержаться у власти. Кроме того, я уверен, что по первоначальному плану и полномочия Помпея, и последствия принятия закона предполагались гораздо более умеренными. Однако события приняли очень серьезный оборот, и пошли, я думаю, не по первоначальному плану Метеллов.

### Борьба за закон Габиния

Габиний провел закон, не считаясь с конституционными правилами. Перед вынесением на голосование народного собрания закон должен был быть одобрен в сенате. Из сенаторов открыто поддержал закон только молодой Юлий Цезарь, будущий диктатор. Группа сенаторов выступила против закона Габиния. Вероятно, именно во время обсуждения в сенате сенаторы попытались Габиния убить, а тот убежал и призвал народ. Народ разогнал сенаторов из Курии, чуть не убил консула Пизона (о втором консуле, Глабрионе, метелланце, во время этих событий ничего не слышно). Видимо, сенат больше не пытался возражать или вносить поправки. Лутаций Катул, один из самых авторитетных консуляров, главный противник Метеллов «справа», на консервативном фланге, и Квинт Гортензий, его зять и союзник, в сенате и перед народом сражались за включение в закон ограничение власти Помпея через назначение двух верховных командующих, ссылаясь на традиционный римский способ предупредить сосредоточение большой власти у одного человека. Народ не хотел ничего слушать и хотел только Помпея. Между внесением закона и голосованием должно было по закону пройти около 20 дней для обсуждения законопроекта сенатом и народом, сенат не смог ничего изменить, и закон был вынесен на голосование без изменений.

В день голосования народного собрания за принятие закона два народных трибуна сделали последнюю попытку остановить принятие закона. Один наложил вето на проведение голосования. Габиний, как Тиберий Грахх 60 лет назад, тут же назначил голосование за его смещение и трибун снял вето. На следующий день второй трибун и Катул еще раз попытались призвать народ назначить двух командующих, но впустую. Закон был принят. При одной известии об этом цены на хлеб упали.

В этот кульминационный момент шоу Габиния, наконец перед народом появился сам Помпей, до того уезжавший в загородное имение. И тут выяснилось, что шоу продолжается! Плутарх: «на следующее утро Помпей появился открыто и принес жертвы богам, снова было созвано народное собрание, и Помпей добился принятия, кроме утвержденного уже закона, многих других постановлений, так что почти удвоил свои военные силы».

Помпей в итоге получил 500 кораблей, право набрать 120 000 пехотинцев-легионеров и 4 или 5 тысяч конницы. И по форме, и по содержанию это было окончательное попрание законного порядка в Республике. «Новые постановления» были приняты даже без тени соблюдения закона, без обсуждения в сенате, без 20-дневного срока на обсуждение, в один день! По существу же увеличение флота было вполне практично и полезно для войны с пиратами, Помпей вскоре доказал на деле, что он был способен организовать самую масштабную морскую кампанию в древности, когда одновременно на всей территории Средиземноморья силами более десяти флотов провел скоординированные операции против пиратов на всех морях и уничтожили их.

Но армия! Помпей получил право забрать в свое войско каждого девятого гражданина. 60 тысяч объяснить невозможно, но тем менее можно разумно объяснить военными соображениями 120 000.

При этом армия в 120 000 человек грозно выглядит на бумаге, но действительно набрать сразу столько солдат, сделать из них боеспособную силу и даже просто снабжать их было бы очень сложно и надолго заняло бы Помпея, так что ему было бы, пожалуй, первые полгода-год и не до пиратов. Кроме того, найти столько добровольцев, желающих воевать, было бы непросто, и грандиозные наборы вызвали бы недовольство, которым враги Помпея и Метеллов, тот же Пизон, не замедлили бы воспользоваться (похоже, Пизон, запрещая Помпею в своей провинции Галлии набор моряков, и так пытался выступить

защитником провинциалов от небывалых повинностей в пользу «монарха»). То есть 120 000 на начало 67 года были заведомо нереальной, бумажной армией, при попытке реально собрать которую у Помпея появилось бы множество серьезнейших проблем. Однако в таких важнейших вопросах следует исключить из рассмотрения случайность: если Помпей зачем-то добился удвоения армии до 120 000 человек, именно такая армия ему и была нужна.

Невероятные 120 000 в подчинении у одного человека (именно столько ветеранов своей армии Сулла расселил в Италии после захвата власти) совершенно однозначно должны были быть поняты всеми так: Помпей претендует на исключительное место в Республике, во всем Средиземноморье, над берегами которого он получает верховную власть, и он не связывает себя никакими законами. Право такого набора на три года давало Помпею не только потенциальную военную силу, но и прямую власть над гражданами и владениями Рима (даже не считая Италии). Во всех провинциях он мог, используя свое право набора, зачислять римских граждан в свои войска (да еще и забирать деньги), то есть управлять империей и гражданами Рима как неограниченный властитель, ведь над солдатами полководец имел полную власть, вплоть до казни (в то время в Риме смертная казнь по приговору суда фактически не применялась, а вот полководцы казнили солдат свободно, тот же Красс в 71 году провел децимацию – казнь каждого 10 в своих бежавших частях). Далее, все набранные солдаты становились клиентами Помпея и должны были поддерживать его в дальнейшем (имея неограниченный доступ к казне, Помпей имел все возможности обеспечить и их реальную лояльность). Все это давало Помпею очень большое пространство для маневра и принятия почти любых решений, он мог почти бесконечно наращивать свои силы и власть в любых выбранных им места в провинциях, а мог обходиться умеренной армией. Габиний в Риме фактически захватил власть от имени Помпея, а в отсутствие Помпея мог ее и не удержать, к власти могли прийти его враги. Но с такими военными и денежными ресурсами, превосходящими наличные войска и средства сената, Помпей был готов к любому развитию событий.

Через три года Помпей должен был вернуться с победой, и в этот раз не как в 71 году в противоборстве с Крассом, а один, сам, во главе невиданной, огромной армии, размеры которой он сам бы определил, диктовать Риму свои условия. Дальше мы увидим, как Помпей, раз получив согласие на большую армию на бумаге, вскоре конвертировал его в получение настоящей армии в 50 000 солдат, воспользовавшись военными приготовлениями Метеллов на востоке и присвоив их военные силы.

Итак, в тот февральский день 67 года, когда закон о командовании против пиратов был принят, Катул, Гортензий и Пизон, до последнего рискуя жизнью пытавшиеся остановить Габиния, совершенно правильно понимали то, что их поражение означало победу «монарха» Помпея. В этот день падение Республики стало из угрозы реальностью, делом времени.

### Помпей – победитель. Помпей против Метелла. Закон Манилия

Помпей собрал лот, набрал небольшую армию и разгромил и уничтожил пиратов на всем Средиземноморье за полгода – «в конце зимы подготовил, с наступлением весны начал, в середине лета закончил», – скажет Цицерон. Зимой, во время подготовки флота, консул Пизон распустил набранные Помпеем экипажи. Тогда Габиний составил проект закона об отстранении консула от должности – дело в Риме совершенно небывалое. Если народного трибуна еще теоретически народ от должности отстранить мог, то консула, избираемого не прямым и равным голосованием трибутных комиций, а сложным балансом голосов римских сословий, в котором имущие классы имели большинство, центуриатными комициями, – вот уж точно никогда. В один момент в Риме должно было показаться, что уже никакие законы и старинные обычаи не действуют больше и дело идет к полной замене всех институций Республики на новое, очень простое устройство – Помпей во главе Республики, а народное собрание, его выбравшее, во всем остальном имеет высшую власть (а проекты решений собранию предлагает трибун Габиний). Но Помпей заехал в Рим, Габиния унял, народное собрание успокоил и уехал на войну.

В Риме тем временем консул Пизон во всем противостоял Корнелию, другому трибуну, служившему в 70-х под командованием Помпея. Самым ожесточенным было их столкновение за принятие закона о наказании за нарушения в предвыборной кампании – каждый предлагал свою версию закона. Дело доходило до насилия, толпа нападала на Пизона и его ликторов, Корнелий останавливал выборы преторов, однако в итоге Пизон добился, чтобы был принят его проект.

Выборы магистратов на 66 год проходили во второй половине 67 года, как раз после быстрой победы Помпея над пиратами, сделавшей, конечно, его имя еще более популярным и, должно быть, давшей преимущество на выборах тем, кто мог называть себя другом или союзником Помпея. Так, претором был избран Марк Цицерон, знаменитый оратор, выступавший как сторонник Помпея. Однако на главных, консульских выборах, Метеллы не победили. Должно быть, проводил выборы консул Пизон, так как консул Глабрион (метелланец) уехал в Вифинию принимать командование у Лукулла. Главный кандидат Метеллов, Лоллий Паликан, проведенный в 70 году, во исполнение помпеева обещания, закон о восстановлении трибунской власти, избран не был (кажется, он выдвигался с такими нарушениями закона, что Пизон сказал, что не объявит его избранным, даже если за Лоллия проголосует большинство). Были избраны Маний Лепид и Волкаций Тулл, второй – из новых людей и оба определенно не принадлежавшие к ядру группы Метеллов. Однако во всяком случае один из них, видимо, Лепид, был союзником Метеллов. Подробнее я попробую разобрать эту ситуацию дальше.

Итак, в июле 67 года Помпей остановился с армией в 2-3 легиона и флотом в Киликии, где он закончил войну, и стал ждать. Хотя его война была окончена, в Рим он не возвращался и свои военные силы не распускал. Как вы знаете из предыдущего эссе о Лукулле, в это же время в Азии Лукулл терпел поражения от Митридата. В Вифинии стоял новый наместник Глабрион, назначенный по закону Габиния сменить Лукулла, в Сирии Марций Рекс, наместник Киликии, укреплял власть нового царя Филиппа. На Крите Метелл осаждал последние не сдавшиеся ему крепости критских пиратов.

В это время, во второй половине 67 года, происходит первый открытый конфликт Помпея и одного из Метеллов, как раз Метелла Критского. Помпей принял капитуляцию у предводителей критян и попытался, через своих легатов, занять их города, осажденные Метеллом. Метелл не согласился и продолжал войну. Легаты Помпея привели на Крит армию и дело дошло до столкновений между армией Метелла и солдатами Помпея, защищавшими занятые ими критские города. Метелл в итоге победил, заняв весь Крит, но сбежавшие вожди остались у Помпея. К концу года Помпей даже стал готовить флот и войска, чтобы самому со всеми силами выступить на Крит против Метелла, но его остановили известия о новом назначении, о котором речь пойдет дальше. Метеллы Помпей еще долго вели переписку с сенатом, обвиняя друг друга в нарушении закона. Я думаю, критяне получили от Помпея согласие на мир и убежище не просто так, а в обмен на переданную Помпею пиратскую кассу. С таким предположением интенсивность конфликта кажется понятнее, но то, почему вообще вдруг два римских полководца устроили войну друг с другом, понятней не становится. Какие невидимые движения привели к этой неожиданной маленькой гражданской войне, я попробую разобрать далее.

В остальном же Помпей со своими большими силами бездействовал, пассивно наблюдая, как и Рекс с Глабрионом, как Лукулл все дальше отступает перед Митридатом и пытается удержать свою мятежную армию. Между тем, и в Черном море у Помпея была такая же власть на море и на 50-мильной полосе суши, так что он мог бы, если бы захотел, помочь Лукуллу вести войну против Митридата (у царя тоже были союзные ему пираты), вот только Помпей не захотел.

В 66 году в Риме на смену Габинию и Корнелию пришел один из народных трибунов 66 года, Манилий. В начале года Манилий предложил закон о назначении Помпея главнокомандующим в войне с Митридатом и Тиграном. По закону под власть Помпея переходили провинции Азия, Вифиния, Киликия, а также территории царств Митридата и Тиграна. Лукулл, Глабрион, Рекс должны были передать все свои войска Помпею, Помпей получал право неограниченного по времени командования, право воевать и заключать мир где хочет и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами. При этом командование на морях и морские силы сохранялись за Помпеем на прежних условиях.

Аппиан даже говорит, что Помпей получил командование вообще над всеми военными силами вне Рима, но тут у него явно какая-то ошибка.

Вы можете видеть, что закон Манилия по существу мало отличался от закона Габиния – он продлевал все те же небывалые полномочия Помпея. Что касается армии, кажется, Манилий даже уменьшал ее по сравнению с Габинием – всего к Помпею переходило (2-3)+3+остатки 8 легионов, набранные им 3 он, наверное, сохранял. Видимо, вместе это составляло приблизительно 50-60 000 легионеров. Однако теперь эта армия была не бумажной, а реальной и состояла из имевших боевой опыт солдат. То есть уменьшившись формально, реально силы Помпея теперь действительно стали той самой беспрецедентной сверхсилой, не имевшей никакого противовеса на тогдашних римских политических весах. При этом срок полномочий Помпея был теперь ничем не ограничен, а территория, где он мог самовластно распоряжаться, включала практически всю восточную половину Средиземноморской Ойкумены, известного римлянам мира, самую богатую и густонаселенную.

Против закона Манилия снова выступили Катул и Гортензий. Катул выступал и перед народом, и в сенате, призывал сенаторов пойти на отчаянные меры, чтобы спасти свободу. Сенат его не поддержал.

За закон выступили Цицерон и Цезарь, но самое интересно, что закон поддержали четыре сенатора-консуляра: Сервилий Ватия Исаврийский, Курион, Лентул и Кассий. Сервилий был одним из глав партии Метеллов, а Лентул – одним из активных ее участников. Очень важно, что Метелл Пий, самый, наверное, близкий к Помпею из римских влиятельных консуляров, воевавший бок о бок с ним в 83-82 гг и в 76-71 гг, распустивший армию в 71 году, проложив Помпею дорогу к консульству, Помпея не поддержал! Зато поддержал Ватия Исаврик, второй из виднейших лидеров Метеллов, который в 80 возражал против предоставления триумфа Помпею.

На этот раз ни беспорядков, ни трибунского вето не было, и закон Манилия был принят народным собранием. Так Помпей сделал свой первый серьезный шаг к вершине власти над Римом.

### Раскол клики Метеллов

Все, что описано выше, выглядит очень хаотично и непоследовательно с точки зрения действий и интересов участников событий. Все известные мне объяснения даже если принимают версию о том, что Помпей и трибуны действовали совместно и согласованно, всех остальных римских деятелей, включая и самых авторитетных лидеров, изображают в основном как пытающихся довольно беспорядочно и недружно реагировать на действия великого Помпея. Мне интереснее всего то, что же случилось на самом деле, и здесь я предлагаю свою версию событий. Вот тут уже будет чистая конспирология, логические построения, которые много неявного добавляют к фактам. Тем, кто хочет твердых исторических знаний, дальше лучше, наверное, и не читать, такое осмысление событий очень далеко от общепринятого.

Прежде всего кратко опишу как я вижу устройство римской политики того времени.

Правили Римом группы аристократов-сенаторов. Эти группы управляли прямо, через занятие их участниками главнейших должностей-магистратур, которые и давали власть. То есть, в 70-60-х, группа, обладающая властью, должна была занять одно или оба консульских места (и обеспечить избрание на них на следующий год) и поставить нескольких (из восьми) преторов, в том числе, желательно, главного – городского, а также сколько-то мест в остальных, низших магистратах (эдилов, квесторов), обязательно иметь среди своих сторонников одного или нескольких трибунов (в особенности после восстановления прав трибунов в 70 году), а также своих наместников (проконсулов, пропреторов) в главных провинциях, откуда поступали деньги и где стояли войска.

Из-за особенностей римской республиканской конституции, прежде всего из-за разделения высшей власти между двумя консулами, частой ситуацией было разделение власти между двумя группами, каждая из которых контролировала одно консульское место. Но такая ситуация была обычно промежуточной и нестабильной и рано или поздно одна из групп брала вверх и монополизировала власть. Однако редко такой группе удавалось

продержаться больше нескольких лет. О причинах этого нужно говорить отдельно, но такая ситуация приводила к тому, что все группировки не занимались долгосрочным планированием ни в политике, ни в экономике и действовали в основном исходя из сиюминутных раскладов, хотя, конечно при этом их политические и экономические программы и принципы были, и существенно различались.

Группы были устроены, насколько это можно понять, пирамидально, во главе – лидер, несколько, видимо, до 7-10, возможно иногда и больше, его прямых «вассалов» – ближайших союзников, у каждого из которых были уже свои союзные или подчиненные люди.

В Риме высшее сословие сенаторов имело фактически монополию на политическую деятельность и соответственно, на власть. Всадники, следующее по знатности торгово-промышленное сословие, к власти не допускались и из-за кулис, как в некоторых других странах, на политику тоже не влияли – главные деньги, самые большие состояния были тоже только у сенаторов. «Новых людей», чьи родители не были сенаторами, после занятия ими выборной должности включали в сословие. То есть все участники группы – политики, как правило, сенаторы.

Всего в сенат входило, после его увеличения Суллой, до 600 человек, в реальности 400-500. Из них самыми влиятельными, и формально, и неформально, были консуляры – бывшие консулы. После гражданской войны в 81 их было совсем немного, но к 70 их число выросло до 15-25 человек. Еще примерно человек 50-80 «преториев» – бывших преторов во многом приближались к ним по влиянию и статусу. Вот из этих людей и состояли обычно верхушки властных групп Республики, ниже находились трибуны (впрочем, трибуны по роду их властной специальности (выступления перед народом) часто гораздо более заметны для историков, так что некоторым даже приписывают самостоятельную политику, что для нашего времени 80-50 гг, конечно, не так: все трибуны действуют как члены той или иной группировки, причем подчиненные, «второго ранга»), эдилы и пр.

Всего таких групп с 80 по 50 годы обычно было от 2 (власть-оппозиция) до 4 (это, кажется, максимум, на поддержание большего количества просто не хватало должностей).

В прошлой части я перечислял самых активных участников группы Метеллов и их родственные связи, а также сотрудничество в 70-68 гг, здесь я приведу еще несколько примеров того, как группа была связана внутри и совместно действовала.

Вот как, видимо, выглядела пирамида Метеллов в конце 68 года (включены только важные действующие лица 67 года, о Корнели, трибуне 67 года, противнике Пизона, надо писать отдельно, некоторые консуляры, хотя и такие как Мамерк Эмилий Лепид, избранный цензорами Лентулом и Геллием, принцепсом сената в 70 году, Курион, консул 77 года, поддержавший в 66 году Помпея и явно близкий к Метеллам, не показаны, так как про их участие в событиях 67 году совсем мало известно)

Метелл Пий (консул 80)	
Сервилий Ватия Исаврик (консул 79)	Помпей (консул 70)
Лентул (консул 72, цензор 70) Геллий (консул 72, цензор 70) Метелл Критский (консул 69) Марций Рекс (консул 68) Глабрион (консул 67)	
Цицерон (претор 66) Цезарь (квестор 69) Габиний (трибун 67) Манилий (трибун 66)	
Метелл Целер (легат Помпея 67) Метелл Непот (легат Помпея 67) Клодий Пульхр (адмирал у Рекса 67)	

Помпей – командовал вместе с Метеллом Пием в войнах 83-82 и 76-71, сотрудничал в свое консульство с цензорами Лентулом и Геллием, председательствовал на выборах Метелла Критского в консулы, назначил Лентула, Геллия и Габиния легатами в 67 в войне с пиратами.

Цезарь – служил в 78 году у Сервилия Ватии в Киликии, единственный известный из сенаторов открыто поддержал закон Габиния в пользу Помпея в 67 году, поддержал закон Манилия в пользу Помпея в 66 году.

Цицерон поддержал закон Манилия в пользу Помпея в 66 году, тогда же спасал Манилия от осуждения как претор.

Габиний провел закон о замене Лукулла Глабрионом в 67 году, провел закон о назначении Помпея на войну против пиратов в 67 году, легат Помпея в 67 году.

Однако в 67 году что-то в этом сотрудничестве напрочь ломается, настолько, что дело доходит к концу 67 года до открытой войны между Помпеем и Метеллом Критским. Имеют место и другие явно враждебные действия участников группы Метеллов друг против друга, таких как досрочное смещение Глабриона и Рекса в пользу Помпея и лишение их армий. По тому, на какой из враждующих сторон они оказались, поделить Метеллов по состоянию на конец 67-66 гг можно приблизительно так:

Метелл Пий (консул 80) (?)	Сервилий Ватия Исаврик (консул 79) Помпей (консул 70)
Метелл Критский (консул 69) Марций Рекс (консул 68) Глабрион (консул 67)	Лентул (консул 72 цензор 70) Геллий (консул 72 цензор 70)
	Цицерон (претор 66) Цезарь (квестор 69) Габиний (трибун 67) Манилий (трибун 66)
Клодий Пульхр (адмирал у Рекса 67)	Метелл Целер (легат Помпея 67) Метелл Непот (легат Помпея 67)

Теперь, наконец, что по-моему случилось.

Очень трудно сказать, был ли Метелл Пий единоличным лидером Метеллов, а Сервилий Ватия и Помпей – его «вассалами», или Метелл с Ватией разделяли власть. Я бы предположил следующее.

Пока Метелл Пий воевал вместе с Помпеем в Испании с 78 по 71 год, в Риме во главе дел партии Метеллов стоял (вернувшийся в Рим из Киликии в 75) самый сильный из «вассалов» Пия Сервилия Ватия. При нем дела у Метеллов пошли плохо и они уступили власть группе Красса в 72 году. В 71 году Пий вернулся с войны, вместе с Помпеем, используя Помпея как таран, разгромил группу Красса и вернул Метеллам власть. Видимо, Ватия бы вынужден вернуться в подчинение к Метеллу. В 69-68 гг у власти в основном люди Метелла – Метелл Критский, его брат, Рекс, Глабрион, они действуют против пиратов, отбирают Азию у Лукулла и собирают все больше провинций, войск, ресурсов в своих руках, а Ватия оказывается все более в стороне от власти.

И вот тогда, в 68 году Ватия сговаривается с Помпеем. Эти двое никогда не были особенно близки, но, похоже, их объединило то, что оба они оказались отстранены Метеллом и его активными молодыми консулами все дальше от власти, войн, назначений наместничеств. Для Помпея, перешедшего в 84 на сторону Суллы, а в 80 году предавшего Суллу, что позволило Метеллам отстранить того от власти, такой переход от сильной стороны к более слабой, но более перспективной, был делом понятным и опробованным.

Почему я вообще предполагаю участие Ватии в событиях – прежде всего потому, что он засветился, по его открытой поддержке Манилия-Помпея в 66 году – кажется, именно Ватия опять, как в 70-х, остался в привычной ему роли, на хозяйстве, пока лидер – а в этом союзе лидером к 66 году явно стал уже Помпей – воюет за морями.

Интрига была построена так: видимо, сам по себе план вывести Помпея в 67 году в народные любимцы и дать ему морское командование против пиратов было общим планом тогда еще единых Метеллов. Скорее всего Помпею предполагалось дать или только флот в 200 кораблей, или к нему 2-3 легиона, как Метеллу, Рексу и Глабриону. По одиночке так они были бы недостаточно сильны и поэтому для Рима не опасны, а вот вместе их

Метелловский рой представлял собой силу, даже большую, чем была у хозяина Азии Лукулла в 70 году и твердую опору власти Метеллов в восточных провинциях на несколько лет вперед.

Единство Метеллов лучше всего видно из того, что первым законом Габиния в 67 году была смена Лукулла в Азии на Глабриона. То есть Габиний (который потом окажется человеком Помпея) пока продолжал и завершал общую политику Метеллов последних лет на медленное удушение Лукулла через мятежи, отказ в помощи и взятие востока под контроль Метеллов и их новых небольших проконсульских армий.

После этого Метеллы подготовили народное выступление, Габиний выступил – и вот тут он выступил уже не по общему плану. В законе было даже несколько положений, которые настолько усиливали Помпея, что он оказывался сильнее всех Метеллов вместе взятых в случае их реализации: это и армия в 60 тысяч, и казна в полном распоряжении Помпея. Ну а вторая бомба, интрига внутри интриги, была удвоение сил самим Помпеем сразу после принятия закона. Помпей не просто освобождался от зависимости от Пия, он забирал у Пия и Метеллов большинство их ресурсов.

Молчание большинства сенаторов в разительном контрасте с отчаянной битвой Катула, Гортензия и Пизона против Габиния скорее всего объясняется неготовностью той части группы, которая осталась на стороне Метелла Пия и его самого (Пий умер в конце 64, лет в 60, по римским меркам не очень старым, возможно, измена Помпея подкосила его здоровье) как-то отреагировать – удар Помпея был таким стремительным, что какой-то контригры предложить было просто невозможно. А Ватии и тем, кто перешел к Помпею (честно говоря, из-за недостатка информации трудно сказать, как быстро и резко происходил раскол) совсем не обязательно было выступать за такой «монархический» закон, большинства в сенате у них явно не было, а народ и так поддерживал закон. Хотя они, кажется, «прикрыли» организаторов беспорядков от суда (а может, и нет, слишком мало известно).

Возможно, образовавшиеся группы Пия и Помпея-Ватии пытались договориться, чтобы удержать власть в Риме совместно, но у них это, похоже, не получилось – Лоллий, кандидат со стороны Помпея не смог пройти из-за Пизона. Похоже, от Метеллов на 66 год прошел в консулы Маний Лепид. Может быть, договориться вообще не удалось, но во второй половине года разрыв уже стал открытым – Помпей стал явно разжигать конфликт с Метеллом на Крите, пытаясь, наверное заставить его подчиниться. Метелл не подчинился и дело пошло к войне. Возможно, и Рекс пытался через Клодия договориться в 67 году с пиратами (против которых воевал Помпей) о каком-то сотрудничестве именно против Помпея.

Война была выиграна Помпеем без сражений, в Риме, где закон Манилия, принятый при поддержке Ватии, отдал ему армии Лукулла, а главное – Рекса и Глабриона, так что перевес Помпея стал очевидным. Однако отступил именно Помпей – он мог теперь идти дальше к расширению своего влияния в Азии, Крит стал для него слишком незначительным, Метелл мог оставить его себе.

Очень интересно, как Помпей собирался действовать дальше, если бы закон Манилия не был принят – ну победил бы он Метелла на Крите, а потом повернул бы войска против Рекса в Киликию, делая гражданскую войну уже большой и полномасштабной? Я думаю, в конце 67 году Помпей едва ли вел дело к большой открытой войне. Скорее всего он подталкивал Ватию в Риме к более активным действиям в свою пользу, делал раскол Метеллов окончательным и полным. И это ему полностью удалось. В 66 году многие из Метеллов, особенно молодые, амбициозные и решительные (Метеллы Целер и Непот, Цицерон, Цезарь) собираются под знамена Помпея, легатами в его армию или выступая друг за друга в Риме. Похоже, все ожидали скорого возвращения Помпея, уже в 65 году и развязки борьбы за власть, и связывали свои надежды с победой Помпея. Готовились и враги Помпея, они объединялись и собирались отстаивать Республику. Но Помпей преподнес всем новый сюрприз. Об этом – следующие эссе.